

Д.А. АНДРЕЕВ

СОВЕТСКИЙ СТУДЕНТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х: ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

Сразу после революции 1917 года советская власть приступила к реорганизации высшей школы в духе коммунистической идеологии. Среди многочисленных мер большое значение придавалось изменению социального состава студенчества на преимущественно рабоче-крестьянский. Поскольку в начале 1920-х гг. большинство студентов составляли выходцы из дворянских и купеческих семей, ситуацию предполагалось исправить с помощью периодического проведения социальных и академических проверок, или так называемых «чисток». На материалах нескольких из них — «чистки» рабочих факультетов 1922 года, а также вузов и рабфаков 1924 и 1925 гг. — основано наше исследование.

Официально объявленной целью «чистки» студентов в 1922 г. было «оставление в составе Рабочих факультетов только лиц с пролетарской идеологией и зарекомендовавших себя аккуратным выполнением работ учебной повинности»¹. Что касается «чисток» вузов и рабфаков 1924–1925 гг., то официальные цели этих мероприятий были различны и даже противоречивы. Так, председатель Центральной комиссии по академической проверке вузов И.И. Ходоровский в письме к секретарям губкомов подчеркивал, что целью «чисток» является «удаление социально чуждого и непригодного для нас элемента», и только во-вторых, «увольнение той части студентов, которая проявила неспособность успешно обучаться в вузе» [цит. по: 6]. В статье, посвящённой этому же вопросу, Ходоровский несколько иначе расставил акценты. Он утверждал, что цель «чистки» — проверка академической активности каждого студента, но выходцы из рабочих и крестьян получают льготы при её прохождении [7]. Советская пресса указывала и на другие задачи «чистки». Сообщалось, что она носит исключительно «классовый» характер и не коснётся «пролетарского» студенчества [1, 5]. В некоторых статьях подчёркивалось, что «проверке» будут подвергнуты именно те партийные студенты, которые поддержали оппозицию Л. Троцкого [3, 68].

Андреев Дмитрий Анатольевич — аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3.

Телефон: (812) 355-18-36. **Электронная почта:** godfaht@eu.spb.ru

¹ См.: «Положение о проверочных комиссиях по пересмотру состава студентов рабочих факультетов» от 9 января 1922 года» [9].

Здесь и далее сохраняются орфография, пунктуация и другие особенности цитируемых оригинальных текстов. — *Прим. ред.*

После отчисления местной комиссией, работавшей в каждом вузе, где проходила «проверка», студент мог направить апелляцию в вышестоящую инстанцию — Центральную комиссию. Апелляционные заявления исключенных студентов являлись фактически «последним шансом», дававшим возможность оправдать себя и восстановиться в вузе. Заявления студентов высших учебных заведений и рабочих факультетов Петрограда (Ленинграда), направленные в Центральную проверочную комиссию по пересмотру состава студентов вузов и рабфаков Петрограда (Ленинграда) и послужили источником для нашего исследования. Эти документы хранятся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб), в частности в фонде Управления уполномоченного Наркомпроса по делам вузов и рабфаков г. Ленинграда (ф. 2556), а также в фонде Ленинградского государственного университета (ф. 7240), содержащем личные дела студентов.

Цель этой работы — выявить ключевые сюжеты, на которые делала акцент студенты в апелляционных заявлениях, презентуя себя власти [2, с. 35]. Поскольку задачей этих жалоб было самооправдание, выбор тех или иных сюжетов может означать признание студентом их уместности и ценности. Исследование апелляционных заявлений позволяет изучить особенности самопрезентации студентов в этих документах, а именно выявить те качественные характеристики, которые, по мнению самих авторов жалоб, являлись приемлемыми и даже необходимыми для советских студентов первой половины 1920-х годов и с помощью которых они представляли себя властям.

В ходе выборочного исследования нами изучено 289 студенческих апелляционных заявлений: 287 архивных [11, 29, 46, 48, 52-59, 62, 63, 65-67], 2 опубликованных [4, с. 372-375]. В таблице указаны сюжеты, к которым обращались студенты в этих документах, а также количество заявлений, в которых эти сюжеты встречаются. Неоднократное обращение к сюжету в рамках одного заявления не учитывалось. Также следует отметить, что в одном заявлении студент мог использовать несколько различных сюжетов для выстраивания своего рассказа. В рамках данной статьи мы подробнее остановимся лишь на нескольких сюжетах.

Наиболее распространенный сюжет этих заявлений — рассказ о «пролетарском» происхождении их авторов. Даже если студенты отчислялись не по «политическим» причинам (например, как «чуждые элементы»), довольно часто в своих апелляциях они уделяли внимание именно этому моменту. Некоторые ограничивались несколькими словами — «я крестьянка, дочь очень бедного крестьянина» [19], «родители мои живут в Дальней Сибири, занимаются крестьянством» [20]. Но мы можем встретить и более подробное повествование о семье, включающее упоминание об отце или матери, братьях или сестрах, об их

профессии, месте работы или об их заслугах перед советской властью (например, об участии в гражданской войне на стороне «красных»). Социальное происхождение, естественно, было связано с ближайшими родственниками, и, в первую очередь, казалось бы, с отцом и матерью. Выбор родственников для иллюстрации студентом своей идентичности в этих текстах, однако, часто был фрагментарен, а социальное происхождение могло перениматься не только от родителей².

Таблица

Сюжет	Кол-во заявлений, в которых встречается указанный сюжет	% от общего кол-ва заявлений
1. Пролетарское или крестьянское происхождение	140	48,4
2. Рабочий стаж (физический труд)	129	44,6
3. Хорошая академическая успеваемость	69	23,8
4. Участие в гражданской войне на стороне «красных», в подавлении «кронштадского мятежа» или служба в РККА (без упоминания об участии в боевых действиях)	60	20,7
5. Пролетарские цели обучения	55	19,0
6. «Тяжёлое детство» и бедность семьи, в которой вырос студент	52	17,9
7. Плохие материальные и жилищные условия в период обучения в вузе или на рабфаке	52	17,9
8. Слабое здоровье или болезни	49	16,9
9. Исполнение общественных или политико-просветительских работ в период обучения	43	14,8
10. Совмещение учёбы (в вузе или рабфаке) и работы	34	11,7
11. Невозможность получить образование в царской России	32	11
12. Родственники — «красноармейцы», участвовавшие в гражданской войне	28	9,6
13. Членство в РКП или РКСМ	27	9,3
14. Членство в профсоюзе	20	6,9
15. Родственники — члены РКП или РКСМ	9	3,1
16. Отказ от «непролетарских» родителей	4	1,3
17. Национальные гонения в дореволюционной России	4	1,3
18. Другое	29	10

Так, слушательница рабфака при Эстонском педагогическом институте Анна Ю. особое внимание уделяет своему старшему брату: «До 14 лет я росла на иждивении моего брата-рабочего, работавшего на фабрике и имеющего 9 летний рабочий стаж по прядильному делу... но во время наступления германцев на Нарву... мне с 60 летней

² В 16 заявлениях студенты пишут о своих «пролетарских» братьях или сёстрах [8, 33, 40, 49].

матерью и чахоточной сестрой пришлось бежать, боясь мести, так как брат работал в то время в революционных органах Советской власти» [24]. Брат, таким образом, представляется не только как рабочий и участник революционного движения, но и как главный член семьи. При этом отец студентки вообще не упоминается в рассказе. Сведения о сестре и матери не позволяют читателю определить их классовую принадлежность. Далее в заявлении автором хотя и указывается, что брат «устроил меня в чайную уборщицей, а мать туда же посудомойкой», остается неизвестным, кем мать (которой к этому времени было около 62 лет) работала ранее. В этом рассказе акцент делается на социальной идентичности брата-рабочего, что позволяет автору заявления утверждать о своем «пролетарском происхождении»: «Я очень прошу принять во внимание мое пролетарское происхождение и желание учиться и разрешить мне продолжить учение» [24]. Другая студентка делала акцент сразу на двух родственниках — отце и брате: «Родители у меня из рабочих. Отец у меня работал в Ижорском заводе... Брат у меня с 1919 года находится мобилизованным в Красную Армию как член РКП» [36]. Их классовая принадлежность в этом тексте очевидна: отец рабочий промышленного предприятия, брат не только член партии, но и красноармеец, мобилизованный во время гражданской войны в РККА. Говоря о «родителях из рабочих», однако, она упоминает лишь отца, умалчивая, по неизвестным для нас причинам, о своей матери.

Выбор членов семьи, возможно, зависел от «выгодности» их социальной идентичности: «пролетариев» выдвигали на первый план, умалчивая об остальных. Хотя мы не вправе утверждать это однозначно, показателен тот факт, что упоминали в заявлениях в основном именно «пролетарских» родственников. К «непролетарским» обращались лишь в том случае, если проверочной комиссией был раскрыт сам факт их существования. Так, студент рабочего факультета при Горном институте Михаил Р. был исключен как «чуждый элемент» — сын торговца [39]. В качестве оправдания он утверждал, что «с отцом порвал давно все», более того, «с одним из братьев его я лично вовсе с ним не знался» [37]. Письменный отказ учащегося от родителя и других «непролетарских» родственников — один из аргументов, подтверждающих его иную идеологию. Далее он указывал, что «имел некоторые отношения» со вторым братом отца, который «никогда не шел против рабочих, наоборот он тесно спаялся с ними во время организации союзов» [42]. Далее он приводит ещё ряд оправдательных аргументов, указывая на то, что он «большой промежуток времени находился в среде рабочих» [37] и, кроме того, являлся «членом классовой организации рабочих... готов всегда следовать в интересах рабочих и беднейшего крестьянства» [42]. В этом документе видно, как «разоблачённый» студент отказывается от «чуждых

пролетариату» родственников и старается связать себя со вторым братом отца, который не попадал в эту категорию.

Следует отметить, что само понимание термина «пролетарий» в этих текстах неоднозначное: выходцами из *пролетарской* семьи себя считали не только те студенты, родители которых являлись рабочими по профессии. К категории «пролетариата» себя относили и те, чьи родственники служили в Красной Армии, состояли в партии или комсомоле (не будучи рабочими), были крестьянами и ремесленниками или относились по роду трудовой деятельности к «обслуживающему персоналу» (например, прачки, дворники, уборщицы). В этих заявлениях, таким образом, довольно часто «пролетарий» не являлся только синонимом слова «рабочий». Так, например, одна студентка писала: «Происхождение мое из чисто пролетарской семьи. Отец мой бывший крестьянин, и так как земли было очень мало, то он решил ехать в Петроград, приехав сюда, он поступил в Обуховскую больницу санитаром... Мать работала шесть лет сиделкой... Старший брат с 14 по 18 годы без выхода находился на фронте... Младший брат уже третий год служит в Красной Армии... Средний брат работал в граверной мастерской и во время восстания против царизма он находился в рядах рабочих...» [10]. В этом тексте членами «чисто пролетарской семьи» оказываются как крестьянин и рабочий, так и красноармеец, санитар больницы и сиделка.

В случае происхождения из «пролетариев-крестьян» студенты обычно подчеркивали тяжелое материальное положение своей семьи, указывая тем самым на свою идентичность с «крестьянами-бедняками»: «Я из самых бедных крестьян, то есть из батраков, а отец получил только при Советском правительстве три десятины земли» [23], «Так как отец имел мало земли, приходилось ходить в поденщики работать к другим» [13], «Со своей стороны могу указать на мое чисто пролетарское происхождение. Как происходящая из бедной крестьянской семьи...» [27]. Из крестьян, по мнению этих студентов, к «пролетариям» относились лишь малоимущие и малоземельные. Термины «батрак», «поденщик», употребляемые авторами заявлений, лишней раз подчеркивали не только малоземельность — одну их основных характеристик крестьян-бедняков, но и их отношение именно к эксплуатируемому классу. Вероятно, это было отражением ставшего хрестоматийным деления крестьянства на «бедняков», «средняков» и «кулаков». Поскольку крестьянские «бедняки» получили социальное преимущество, идентичность с ними стала выгодной для студентов, а понятие «крестьянин-бедняк» нередко в заявлениях становилось синонимом термина «пролетарий»³.

³ В 23 заявлениях студенты подчеркивают, что они являются выходцами из *крестьян-бедняков* [18, 31, 38, 47, 50]. В 12 заявлениях студенты относят себя к *малоземельным крестьянам* [14, 35, 44].

Иногда бедность семьи использовалась студентами в качестве веского аргумента для подтверждения «пролетарского» происхождения: «Я... происхожу из пролетарской семьи: мой отец преподаватель с большим трудом прокармливает свою семью, состоящую из больной жены и трех малолетних детей» [64]. Не профессия отца, которая по большевистским меркам в лучшем случае могла попасть в категорию «трудовая интеллигенция», оказывается здесь доминантой при определении автором «пролетарской» идентичности своей семьи, а ее тяжелое материальное положение. Другая студентка вообще не указывала в заявлении профессию отца или других родственников, однако была уверена в своем пролетарском происхождении, поскольку родилась и выросла в бедной семье: «Происхожу из бедной пролетарской семьи, нахожусь в тяжелом материальном положении, имея больного отца и если буду исключена, так как не имею средства, то никогда не смогу продолжить ученья...» [16]. Бедность давала право, по мнению этих студентов, считать себя «пролетарием». Если идентичность «крестьянина-бедняка» включала не только плохое материальное положение, но и указание на род деятельности — физический труд, а также причастность к эксплуатируемому классу, то логика этих аргументов была несколько иная: если из бедных — значит пролетарий.

Необходимо, однако, заметить, что акцент на бедность семьи в рассказах студентов делался и без отсылки к ее «пролетарской» сущности. Нередко авторы заявлений нарочито подчеркивали свое трудное детство в малообеспеченной семье, делая особое ударение на невозможности в связи с этим получить образование или на вынужденности работать с малолетства⁴: «...родители помогали мне очень мало, и если бы могли, то я могла получить образование уже раньше, в детстве, а не теперь, когда я самостоятельная» [21], «С двенадцатилетнего возраста была отдана своими родителями в прачечное заведение, где работала до 1917 года» [28], «С 11-ти лет от роду служила прислугой и только в первый год революции я поступила на службу в общественную столовую» [17]. Акцентирование внимания на малограмотности как результате невозможности получить образование в царской России вследствие бедности — характерная черта этих заявлений. Даже если автор не выводил из этого свое «пролетарское» происхождение, все равно делал на этих сюжетах особое ударение. Необходимость работать с раннего детства также давала возможность отнести себя к эксплуатируемому классу. Иногда это особо выделялось авторами заявлений: «Сам я тоже с детских лет работал и был эксплуатируван хозяйчиками» [26]. Этим особо подчеркивалось то обстоятельство, что советская власть — власть ранее неимущих и

⁴ О вынужденности работать ещё в детском возрасте упоминали в 43 заявлениях [15, 32, 45, 51].

эксплуатируемых — политический штамп эпохи. Приписывая себя к ним, студент попадал в категорию «своих».

Но встречаются заявления, где необразованность и пролетарское происхождение тесно связаны между собой. Так одна студентка была возмущена тем, что ее отчисляют за академическую неуспеваемость: «Я пролетарского происхождения, мне не представилась возможность получить необходимую подготовку, по требованию программы, в чем я и не могла удовлетворить требования таковой, не имея должной подготовки, а не из-за недостатка моих способностей» [12]. Показательно, что в этом заявлении именно «пролетарское происхождение» автора становится причиной отсутствия необходимой школьной подготовки. Студентка подчеркивает, что академическая неуспеваемость является следствием ее происхождения из пролетарского класса, лишённого до революции, по материальным и, конечно, политическим причинам, возможности учиться, а не результатом отсутствия у нее способностей к обучению. В этом плане показательна коллективная апелляция «пролетарских студентов», которые жаловались, что «сотни товарищей, вполне достойных по своему социальному положению и пролетарскому убеждению пребывания в ВУЗах, исключены из последних только за их академическую неуспеваемость». Далее они подчеркивали, что «каждый студент-белоручка с лучшей подготовкой поступил в ВУЗ, во-первых, и несравненно лучше пролетарского студента обеспечен материально, во-вторых...» [4, с. 372]. Используя эту схему, они рассматривали академическую неуспеваемость студента-пролетария как норму. На первый план выходило его «социальное положение и пролетарское убеждение», дававшее ему право учиться хуже «чуждых элементов» и не быть при этом отчисленным по академическим причинам.

Еще одним распространенным сюжетом этих заявлений было доказательство собственной значимости для советской власти, посредством описания своего личного участия в ее установлении, защите и т. п. Иными словами, доказательство наличия «пролетарского сознания». Это могло осуществляться через упоминания о собственных заслугах, например во время гражданской войны, или о своем членстве в партии или комсомоле или, наконец, посредством подробного описания своего *рабочего* стажа. Один студент был возмущен исключением из рабочего факультета своей жены как «мещанки»: «Подтверждением классового самосознания жены служит ее самоотверженная работа в дни Октябрьской революции (на что могут быть предоставлены документы) и, кроме того, ее двухлетнее почти пребывание на фронте. На последний она пошла добровольно и пробыла там весь 19 и 20 год... Подобные заслуги перед Республикой имеет не каждый из граждан и даже очень немногие» [34].

Следует отметить, что служба в рядах Красной Армии, особенно в период гражданской войны, представлялось студентами как неоспоримое доказательство «пролетарского сознания» (даже при отсутствии должного пролетарского происхождения). Приведем несколько примеров. В своей апелляции дочь «бывшего действительного статского советника», студентка физико-математического факультета ЛГУ, отчисленная по причине «непролетарского» происхождения, подробно описывает свою работу в канцелярии Красной Армии в 1918–1920-м гг. [53]. «Проблемой» другой студентки также стали «непролетарские» родители: мать, занимающаяся торговлей, и отец, работавший приказчиком в дореволюционной России. Автор этого заявления сама ставит вопрос: «Следует ли из всего изложенного, что я восприняла от матери мелко-буржуазную идеологию? Я полагаю, что нет» [61]. Так же, как и в предыдущем рассмотренном случае, студентка доказывает свое «пролетарское сознание». Она указывает, что была слишком мала, чтобы перенять идеологию матери: «Мне 20 лет. Мои убеждения формировались во время Революции» [61]. Таким образом, не с родителями связываются исходные предпосылки ее классового мировоззрения, а с «Революцией». Стремясь, видимо, показать, что «идеология» ее родителей не имела сильного влияния на их детей, студентка акцентирует внимание на брате, который «в течение 3х лет был добровольцем в рядах Красной Армии на фронте». Эти аргументы позволяют ей утверждать, что она и ее братья «оторвались от идеологии... родителей и приняли участие в строительстве новой жизни» [60]. В этих текстах служба в РККА является своего рода средством для реабилитации людей с «непролетарским» происхождением, средством доказательства их приверженности советской власти и утверждения себя в качестве «пролетария».

Характерен еще одним момент — особый акцент на ранениях, полученных участниками гражданской войны⁵. Они свидетельствовали об их активном участии в военных действиях: «...поступил в ряды Красной Армии и участвовал во всех кампаниях гражданской войны, был ранен и контужен в голову» [43]. В другом заявлении ранения выступают как обстоятельства, не только подтверждающие участие в боях и приверженность советской власти, но и оправдывающие академическую неуспеваемость студента, из-за которой он был отчислен: «Неуспеваемость в занятиях ...обуславливается моим увечьем как инвалида II группы, имеющего ранение и контузию, полученные в связи с прохождением военной службы... Я прошу Петропрофобр войти в положение человека, от которого взято все, что только возможно...» [25]. Статус красноармейца, высоко оцениваемый в советских текстах

⁵ О ранениях, полученных в ходе гражданской войны, писали в 13 заявлениях [22, 41].

первой половины 1920-х годов, в этих документах выдвигался на первый план как доказательство активного участия его обладателя в утверждении советской власти, его заслуг перед новым правительством, значимость которых должна была, видимо, отодвинуть на второй план не только «академические», но и «политические» причины исключения.

Подводя итоги, следует ещё раз отметить, что пролетарское происхождение было одним из наиболее распространенных сюжетов, к которому обращались студенты в своих жалобах на неправомерность их исключения. Возможно, свою роль в этом сыграли «классовые» цели «чисток» (а также другие мероприятия, проводимые в учебных заведениях по классовому принципу: правила приёма, распределения стипендий и мест в общежитиях и другие). Для этих жалоб характерно различное понимание самого термина «пролетарий». Политическая выгода приписывания себя к этой категории очевидна. Пролетариями, однако, были, с точки зрения учащихся, не только рабочие фабрик и заводов, но и малоземельные крестьяне, материально необеспеченные, красноармейцы и другие категории людей (при определённых, конечно, условиях). Интересен и тот момент, что пролетарское происхождение позволяло студентам оправдывать свою академическую неуспеваемость.

Сложно ответить на вопрос, как учащиеся отбирали сюжеты для своих жалоб. Возможно, этот выбор имел меркантильный характер: на первый план выдвигались выигрышные моменты, тогда как невыгодные оставались в тени. Хотя нельзя «обвинять» авторов этих заявлений в цинизме и лжи. Как отмечал И. Гофман: «Иногда индивид будет действовать полностью расчётливо... Порой он будет намеренно и осознанно выражать себя определенным образом, но, в основном, потому, что такого рода выражения вызваны к жизни традицией его группы или его социальным статусом» [2, с. 37]. Для нас не столько важна правдивость рассказов учащихся о себе. При других условиях они вполне могли презентировать себя иным образом, используя другой язык. Важнее сам факт отбора и включения в свой текст именно того или иного сюжета, а значит признание за ними возможности доказать право остаться в вузе или на рабфаке. Таким образом, анализируя выбранные учащимися аргументы, мы выходим на понимание ими того, какими качествами должен был обладать советский студент первой половины 1920-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аграновский*. Чистка // Красный студент. 1924. № 1. С. 46-47.
2. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2000.
3. *Молотов В.* К текущему моменту // Красная молодёжь. 1924. № 1. С. 5-13.

4. Письма во власть, 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1998.
5. *Покровский В.* К проверке качественного состава студентов ВУЗ'ов // Красный студент. 1924. № 6. С. 1.
6. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Т. 1. Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2002. С. 238.
7. *Ходоровский И.И.* К проверке состава учащихся // Красная молодёжь. 1924. № 1. С. 114.
8. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 14, 205, 262, 274, 342, 343 об.
9. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 209. Л. 22.
10. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 14.
11. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 14-15, 17-20, 22, 25, 26, 33-39, 41-44, 174, 176, 179-183 об., 194-197 об., 199-199 об., 201, 203-206 об., 228-228 об., 248-256, 258-258 об., 261-266, 274, 275, 278-280, 282, 290-292 об., 294-296, 298, 301, 303-305 об., 310-312, 317-317 об., 319-321, 324-325 об., 331-333, 336-343 об., 345-345 об., 348-348 об., 350, 352-352 об., 355, 358, 360-360 об., 363-365, 370-371, 375, 380-383 об., 397-401, 405-406 об.
12. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 17.
13. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 18 об.
14. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 18 об., 205 об., 228, 255.
15. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 18, 22, 35 об., 41, 44, 179, 181, 204, 205, 248, 254, 261, 311, 371, 380 об., 383.
16. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 180.
17. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 181.
18. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 18-18 об., 182, 194, 197 об., 203 об., 258 об., 262, 332, 405 об.
19. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 182.
20. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 196.
21. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 199 об.
22. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 20, 258 об., 292 об., 303, 383 об., 405 об.
23. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 203 об.
24. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 205.
25. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 25.
26. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 311.
27. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 257. Л. 332.
28. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 266. Л. 170.
29. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 266. Л. 17-17 об., 19-21, 25-25 об., 29-30, 38-46 об., 48-48 об., 50-53, 55-71 об., 73, 74, 93-96, 98-102, 104-110 об., 115-116 об., 118-118 об., 170.
30. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 266. Л. 19 об., 53, 71.
31. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 266. Л. 30, 46, 108.
32. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 266. Л. 39 об-40, 46, 52 об., 67, 70, 94, 99, 107-107 об., 170.
33. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 266. Л. 42, 71, 107 об., 115, 170.
34. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 266. Л. 45.
35. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 266. Л. 64, 69, 99.

36. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 266. Л. 74.
37. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 196.
38. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 163, 203, 225, 270 об., 310, 347, 348, 354, 411.
39. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 183 об.
40. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 193 об., 270 об., 383 об.
41. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 194, 201, 281 об., 285 об.
42. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 196 об.
43. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 201.
44. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 203, 225, 243, 270 об., 354.
45. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 69, 193 об., 199 об., 203, 223-223 об., 227 об., 241, 243, 245, 281, 285 об., 306 об., 385, 412, 413.
46. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 434. Л. 69, 80, 146-148, 158-159 об., 162-164 об., 186-188 об., 190-190 об., 192-219 об., 221-223 об., 225-225 об., 227-227 об., 229-230 об., 232-234 об., 236, 241-241 об., 243-245 об., 264, 269-271 об., 279-279 об., 281-283 об., 285-285 об., 306-306 об., 308-311 об., 347-348 об., 350-354 об., 356, 367-367 об., 380-380 об., 383-383 об., 385-386, 390-390 об., 392-392 об., 408-413 об., 415-417.
47. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 511. Л. 4.
48. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 511. Л. 4-5, 32-32 об., 49-50 об., 52-54, 57-57 об., 60-60 об., 66-70, 71.
49. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 556. Л. 110, 124.
50. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 556. Л. 6.
51. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 556. Л. 6-6 об., 75, 177.]
52. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 556. Л. 6-6 об., 15, 30, 65-65 об., 72-72 об., 74-77, 81-82 об., 85, 87-88 об., 92-99, 102, 107, 11-114, 121-121 об., 124-126, 130-130 об., 138, 140-141 об., 148-149, 154, 168-168 об., 176-177 об., 181, 188-188 об., 190-193, 197, 207-209 об., 239-241, 249-249 об., 265-265 об., 269-270.
53. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Д. 811. Л. 4-5.
54. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 674. Л. 1-2 об.
55. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 201. Л. 6-6 об.
56. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 2142. Л. 6.
57. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 298. Л. 6-6 об.
58. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 487. Л. 2-4;
59. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 832. Л. 5-6.
60. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 487. Л. 3 об.
61. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 487. Л. 3.
62. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 6. Л. 1-3.
63. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 86. Л. 5.
64. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 86. Л. 10.
65. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 897. Л. 3.
66. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 317. Л. 8-8 об.
67. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 874. Л. 1-2.
68. Ярославский Е. К проверке коммунистического состава вузов // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 50-54.